

Содержание

Взгляни на арлекинов!

Часть первая

13

Часть вторая

113

Часть третья

193

Часть четвертая

229

Часть пятая

291

Часть шестая

323

Часть седьмая

347

Андрей Бабиков

Окольные мемуары Набокова,
или *Discours sur les ombres*

369

Комментарии

397

Русский текст в романе

462

Приложение

I

Из писем Владимира и Веры Набоковых
о романе «Взгляни на арлекинов!»

467

II

[Е.В. Сикорская.
Впечатления о поездке в СССР]

474

Взгляни
на арлекинов!

Часть первая

1

Первую из трех или четырех своих жен, сменявших одна другую, я встретил при довольно странных обстоятельствах, развитие которых напоминало неуклюжий тайный сговор, с никчемными подробностями и главным крамольником, не только не имевшим представления относительно его истинного предмета, но еще настаивавшим на совершении бессмысленных действий, исключавших, казалось бы, малейшую возможность успеха. И все же из самих этих промахов ему невольно удалось сплести паутину, в которую ряд моих ответных оплошностей заставил меня угодить и выполнить предназначение, составлявшее единственную цель заговора.

Как-то во время весеннего триместра моего последнего года в Кембридже (1922) я согласился, «будучи русским», разъяснить кое-какие тонкости в устройстве гоголевского «Ревизора». Его готовила к постановке, в английском переводе, театральная группа «Светлячок», руководимая Айво-

ром Блэком, талантливым актером-любителем. У нас с ним был общий наставник в Тринити-колледже, и он едва не свел меня с ума, без конца изображая жеманные ужимки старика, — спектакль, продолжавшийся почти все время нашего завтрака в «Питте». Короткая деловая часть разговора вышла еще менее приятной. Айвор Блэк намеревался облачить Городничего в утренний халат, поскольку «вся пьеса ведь просто дурной сон старого пройдохи, и разве ее русское название, “Ревизор”, не происходит от французского *gêve* — сон?». Я сказал, что, на мой взгляд, это кошмарная идея.

Если и были репетиции, они прошли без моего ведома. Собственно, как мне только что пришло в голову, я не уверен даже в том, что его постановка когда-либо предстала перед огнями рампы.

Вскоре после этого я встретился с Айвором Блэком во второй раз — на какой-то вечеринке, во время которой он пригласил меня и еще пятерых человек провести лето на Лазурном Берегу на вилле, только что унаследованной им, как он сказал, от престарелой тетки. Он тогда едва стоял на ногах, и неделю спустя, накануне своего отъезда, выглядел весьма озадаченным, когда я напомнил ему о его дивном приглашении, каковое, как оказалось, лишь я один и принял. «Мы с тобой — двое никому не нужных сирот, — заметил я, — и нам лучше держаться вместе».

Болезнь заставила меня провести в Англии весь следующий месяц, и только в начале июля я послал Айвору Блэку вежливую открытку с из-

вещением, что я могу прибыть в Канн или Ниццу на следующей неделе. Я почти уверен, что упомянул субботу, вторую половину дня, как наиболее вероятное время приезда.

Попытки телефонировать со станции ни к чему не привели: линия оставалась занятой, а я не из тех, кто упорствует в борьбе с дефектными абстракциями пространства. Однако мой полдень был испорчен, притом что полуденное время у меня любимый пункт в повестке дня. В начале своего долгого путешествия я убедил себя, что мне уже много лучше; теперь мое состояние было ужасным. День выдался не по сезону пасмурным и унылым. Пальмы не раздражают только в миражах. По какой-то причине таксомоторов, как в дурном сне, было не сыскать. В конце концов я забрался в маленький провонявший автокар из синей жести. Поднимаясь по петливой дороге, со столькими же поворотами, сколько было остановок «по требованию», штукавина на колесах дотаскилась до моей цели за двадцать минут — и приблизительно за то же время я добрался бы туда пешком от взморья по легкому короткому пути, который я тем волшебным летом выучил наизусть: камень за камнем, ракушечник за акатником. Оно казалось каким угодно, только не волшебным, во время той безрадостной поездки! Я согласился приехать главным образом в надежде утихомирить в «лощенных волнах» (Беннетт? Барбеллион?) нервное расстройство, окаймлявшее безумие. Левая сторона моей головы теперь превратилась в кегель-

бан боли. С другой стороны из-за спинки переднего кресла на меня поверх материнского плеча глазело тупое дитя. Я сидел рядом с покрытой бородавками женщиной во всем черном и сглатывал тошноту, качаясь между зеленым морем и серой скалой. К тому времени, как мы наконец доехали до деревни Карнаво (облезлые стволы платанов, живописные лачуги, почта, церковь), все мои мысли сосредоточились на одном золотистом образе: бутылке виски у меня в сумке, которую я вез в подарок Айвору Блэку и которую я поклялся откупорить до того, как она попадетс я ему на глаза. Шофер оставил без внимания мой вопрос, но похожий на черепаху маленький пастор с большущими ступнями, сходявший первым, указал, не глядя на меня, на боковую аллею. До виллы «Ирис», сказал он, идти три минуты.

Лишь только я взялся за две свои сумки, чтобы двинуться по этому проулку к треугольнику неожиданно выглянувшего солнца, как на противоположном тротуаре показался мой предполагаемый хозяин. Помню — и это полвека спустя! — что я вдруг усомнился: а подходящую ли одежду я взял с собой? На нем были брюки гольф и грубые башмаки, но несообразно с этим недоставало чулок, и обнаженные части голеней были отчаянно-красными. Он шел на почту или сделал вид, будто идет на почту, чтобы послать мне телеграмму с просьбой отложить свой приезд до августа, когда служба, которую он получил в Каннице, не будет более препятствовать нашим увеселе-

Часть первая

ниям. Он, сверх того, надеялся, что Себастьян — кем бы он ни был, — возможно, все еще придет к сезону винограда или на бал лаванды. Бормоча все это себе под нос, он взял у меня из рук меньшую ношу — ту, в которой были туалетные принадлежности, медикаменты и почти завершённый венок сонетов (посланный в конце концов в один парижский эмигрантский журнал), а затем схватил и саквояж, который я поставил на панель, чтобы набить трубку. Полагаю, что такая повышенная внимательность к мелочам объясняется тем, что они случайно оказались в освещении передовых лучей грядущего великого события. Айвор нарушил молчание и, хмурясь, добавил, что он счастлив принимать меня в своем доме, но что он должен меня кое о чем предупредить — о чем следовало сказать еще в Кембридже. К концу недели или около того я могу взвыть от тоски из-за одного грустного обстоятельства. Его бывшая гувернантка, мисс Грант, бессердечная, но умная особа, любила повторять, что его младшая сестра никогда не нарушит правило, гласящее, что «детей не должно быть слышно», да, собственно, никогда это правило и не услышит. Грустное обстоятельство состояло в том, что его сестра... Впрочем, он лучше отложит изложение ее случая до тех пор, пока мы с поклажей не доберемся до дома.